

такую слабость, что не мог удержаться в седле. И тогда крикнул сэр Ланселот:

– А, сэр Борс и сэр Лавейн, на помощь! Ибо пришел конец мой!

И с тем повалился он на сторону с коня своего и рухнул наземь замертво. Бросились к нему сэр Борс и сэр Лавейн с громкими возгласами горя. И случилось как раз девице Элейне услышать их крики, и она возвратилась туда, и когда увидела сэра Ланселота в доспехах, то стала плакать и кричать, точно безумная. Она целовала его и всеми способами пыталась привести в чувство, а потом стала упрекать брата своего и сэра Борса, называя их изменниками и предателями.

– Как решились вы поднять его с ложа? – говорила она. – Знайте же, что, если он умрет, я обвиню вас перед судом в его смерти!

Тем временем явился туда отшельник, сэр Бодуин Бретонский, и, увидя сэра Ланселота лежащим замертво, не сказал ничего, но знайте, что, уж конечно, он был сильно разгневан. Он велел поднять его, и они отнесли его в дом, сняли с него доспехи и уложили на постель; и все время из раны его, не переставая, бежала кровь, и он лежал недвижно, не шевеля ни рукой, ни ногой. Тогда рыцарь-отшельник вложил что-то ему в нос и влил немного питья ему в рот, и сэр Ланселот наконец очнулся. Отшельник остановил ему кровь и, когда сэр Ланселот смог говорить, спросил его, отчего он подверг жизнь свою столь великой опасности.

– Оттого, сэр, – отвечал сэр Ланселот, – что я полагал себя уже довольно окрепшим, а сэр Борс как раз сообщил мне, что на День Всех Святых назначен большой турнир между королем Артуром и королем Северного Уэльса. И потому я подумал испытать свои силы: смогу ли я участвовать в том турнире или же нет.

– Ах, сэр Ланселот, – сказал отшельник, – ваше мужество и ратный дух ваш неистребимы до последнего дня вашей жизни. Однако послушайте ныне моего совета: отошлите от себя сэра Борса, и пусть он, как может, отличится на турнире. И с Божьей помощью, – сказал отшельник, – к тому времени, когда окончится турнир и сэр Борс возвратится к вам, вы, сэр, будете здоровы, если только станете исполнять мои веления.

11

И вот собрался в путь сэр Борс, стал прощаться, и сказал ему сэр Ланселот:

– Любезный кузен сэр Борс, поклонитесь от меня всем, кому должно. И прошу вас, уж вы постарайтесь отличиться на этом турнире, ради меня, не пожалейте трудов. Я же буду ждать здесь, с милостью Божией, вашего возвращения.

И с тем сэр Борс уехал и прибыл ко двору короля Артура и там рассказал о том, где он оставил сэра Ланселота.

– Весьма жаль, – сказал король. – Но он будет жить, и за это мы все можем возблагодарить Господа.

Потом сэр Борс рассказал королеве, как сэр Ланселот едва не умер, когда пытался сесть в седло.

– И все это он сделал ради вас, ибо он хотел быть на турнире.

– Позор ему, малодушному рыцарю! – сказала королева. – Знайте, я от души сожалею, что он не умер.

– Госпожа, как бы то ни было, он не умер и будет жить, – отвечал ей сэр Борс, – и всякому, кто желает ему иного, кроме вас, госпожа, мы, его сородичи, всегда готовы укоротить дни жизни! Но вы, госпожа, – сказал сэр Борс, – и прежде часто бывали недовольны господином моим сэром Ланселотом и всякий раз под конец убеждались, что он верный рыцарь.

И, так сказав, он ее оставил. Между тем все рыцари Круглого Стола, что были там в то время, готовились к турниру, назначенному на День Всех Святых. И съезжались туда рыцари из разных стран. А когда приблизился День Всех Святых, туда прибыл король Северного Уэльса, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и сэр Галахальт Вискородный Принц Сурлузский. И еще туда прибыли король Ангвисанс Ирландский, и король Нортумберландский, и король скоттов. Эти три короля прибыли, чтобы выступить на стороне короля Артура.

И в день турнира первым выехал сэр Гавейн, и он свершил великие бранные подвиги; герольды подсчитали, что сэр Гавейн сокрушил один двадцать рыцарей. Но и сэр Борс Ганский выехал одновременно с ним, и про него тоже подсчитали, что он сокрушил двадцать рыцарей; и потому первенство было присуждено им обоим, ибо они выступили всех ранее и всех долее